

Электоральный авторитаризм на постсоветском пространстве

Schedler A. (ed.). *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder, CO, und London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. XI + 267 pp. ISBN 978-1-58826-440-4. €20,98

Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, CT, and London, UK: Yale University Press, 2005. XVIII + 332 pp. ISBN 0-300-09545-7. £20,00

Для политологов, следящих за процессами демократизации и либерализации на постсоветском пространстве [напр.: Fish 1995; White 1999], удовлетворительная интерпретация этих процессов в последнее десятилетие становится всё более сложной. Несмотря на то, что все главные политические институты, которые делают западные государства тем, чем они являются, были созданы и в большинстве стран СНГ, с начала нового века всё более усиливается ощущение, что в ряде этих новых режимов что-то «не так» [напр.: Прибыловский 2003; Верховский 2005, 2006]. В начале девяностых считалось, что нововведённые демократические институты и процедуры будут с каждым годом укрепляться и развиваться в странах, вышедших из советского блока, таким же образом, как это произошло в других новоиспечённых демократиях послевоенного периода в Южной Европе, Латинской Америке и Восточной Азии [напр.: Przeworski 1991]. Но так случилось только в новых странах-членах ЕС. В странах же СНГ, в последние годы, всё больше можно наблюдать противоположные процессы сворачивания ранее достигнутых демократических достижений. Во многих республиках, вышедших из СССР, сегодня опять стоит вопрос о будущем их политических систем; в некоторых из них прошла вторая волна т.н. «цветных революций», направленных на защиту тех прав и свобод, которые, казалось, уже были завоёваны в начале девяностых годов. Адекватная общая интерпретация и сравнительное осмысление того, что же происходит в большинстве постсоветских республик, отсутствовали до недавнего времени. Андреас Шедлер и Эндрю Вильсон своими книгами, наконец, предоставили нам требующиеся концептуальные ключи к решению этих проблем с помощью их понятий «электорального авторитаризма» и «виртуальной политики».

Своим небольшим сборником высококачественных статей «Электоральный авторитаризм: динамика несвободной конкуренции» Андреас Шедлер, политолог австрийского происхождения и руководитель отделения политических студий при Центре экономических исследований и образования (CIDE) Мехико, обосновывает не менее, чем новый общий тип режимов и, таким образом, новую под-дисциплину.

лину сравнительной политологии. Электоральный авторитаризм может рассматриваться не только как гибрид демократии и авторитаризма [Collier, Levitsky 1997], но и как самостоятельная форма правления, которая не является ни действительно демократической, ни полностью автократической, а имеет свои собственные механизмы легитимации и функционирования.

При всей, как станет ясно ниже, оригинальности антологии Шедлера нужно упомянуть о том, что до её выхода термин «электоральный авторитаризм» уже существовал, и что было опубликовано множество отдельных исследований в области электорально-авторитарных режимов. Шедлеру, однако, удалось в своем сборнике, и в частности, в своем содержательном введении к нему, систематизировать и подать в сжатом виде целый ряд новых результатов разнообразных эмпирических и теоретических исследований. Его сборник позволит страноведам в будущем установить связь между своими узкоспециализированными исследованиями и их международным контекстом. Он даст специалистам по отдельным регионам мира возможность искать сходства и различия между своими объектами исследований и похоже структурированными государственными аппаратами стран, представляющих другие цивилизации.

После описания Шедлером концепции и логики электорального авторитаризма в основополагающем введении, следуют двенадцать статей авторитетных компаративистов и страноведов, которые освещают различные частные аспекты и особые формы электорального авторитаризма и пограничных ему типов политических режимов. Герардо Л. Мунк указывает на некоторые методологические проблемы обозначения чётких концептуальных границ между различными формами политического правления и их гибридами. Джонатан Хартлин и Дженнифер МакКой разрабатывают обобщения тех проблем, с которыми сталкиваются наблюдатели выборов при оценке различных манипуляций электоральных процессов. Ссылаясь на примеры распада тайванской партии Куоминтанг и мексиканской Институционализированной революционной партии, Джой Лэнгстон отвечает на вопрос, при каких обстоятельствах возникает конфликт элит и происходит раскол «партии власти» в электорально-авторитарных режимах. Вильям Кейз анализирует различные стратегии манипулирования, которые позволяют правительству контролировать выборную арену в условиях псевдодемократии. Марк Р. Томпсон и Филипп Кунтц освещают те ситуации, в которых правящие круги прибегают к непосредственной фальсификации выборов. Джон Ф. Кларк отвечает на вопрос, при каких обстоятельствах военные силы вмешиваются в процесс выборов. Стефан Линдберг посвящает свою работу теме, с какой целью оппозиционные партии выбирают стратегию бойкота «выборов» в парадемократических государствах. Лукан А. Вэй, в своей статье, занимается парадоксальными ситуациями, в которых слабость государственного аппарата некоторых полудемократических стран, как, например, посткоммунистической Молдовы, приводят к усилению

конкуренции между элитами и даже к относительному политическому плюрализму.

Стивен Фиш представляет новую, интересную статистику, которая указывает на то, что не тип демократии как таковой (президентский или парламентский), а относительная сила позиции парламента по сравнению с прерогативами исполнительной власти определяет шансы юной демократии на выживание. Таким образом, успех процесса демократизации находится в непосредственной связи с фактической мощностью законодательной власти – не важно в парламентской ли системе, в президентской или же в смешанной полупрезидентской. Если устойчивость этой корреляции подтвердится в дальнейших исследованиях, то статья Фиша может оказаться весомым вкладом в сопоставительные исследования консолидации демократических режимов и должна привести к модификации известного тезиса Хуана Линца, Альфреда Степана [Linz, Stepan 1996] и других компаративистов о способствующей развитию демократии парламентской форме правления в молодых полиархических государствах [Dahl 1971].

В замыкающих сборник статьях сначала Стивен Левитский и Лукан А. Вэй раскрывают, в какой степени и каким образом международные факторы могут повлиять на внутривнутриполитический баланс сил в переходном государстве, и в заключении Ричард Снайдер освещает спектр существующих на сегодняшний день определенно недемократических режимов, которым международная политология должна уделять, по его мнению, больше внимания.

Актуальность сборника Шедлера очевидна для изучения Восточной Европы и Северной Азии, в особенности, если проследить взаимосвязь между выводами сборника и новаторской монографией Эндрю Вильсона «Виртуальная политика», подзаголовок к которой можно перевести как «потёмкинские демократии в постсоветском мире». Эндрю Вильсон – доцент Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университетского колледжа (важнейшего британского центра изучения бывшего советского блока и Балкан), а также ведущий западный украинист. В то время, как его труд, сам по себе, может дать представление о постсоветских восточно-славянских, центрально-азиатских и южнокавказских псевдо- или парадемократиях, как об относительно новом феномене, Шедлер своим сборником иллюстрирует, что речь в данном случае идёт лишь о специфической региональной разновидности более крупного феномена.

В этой связи можно сделать одно критическое замечание в целом насыщенному источниками введению Шедлера: он игнорирует здесь Вильсона, хотя «Виртуальная политика» представляет собой одно из наиболее глубоких и систематизированных эмпирических исследований режимов, принадлежащих к области интересов Шедлера. Изучение электорального авторитаризма могло бы в будущем лишь выиграть от привлечения этой и ряда других публикаций Вильсона [Slater, Wilson 2004; Wilson 2005a, 2005d, 2006a, 2006b, 2007]. В них Вильсон излагает, какие события привели к «оранжевой революции» и к последующей смене поли-

тического режима с выборно-авторитарного строя на выборно-демократическую (хотя ещё не полностью либерализованную) систему. Преобразовательный потенциал электорально-авторитарных режимов был продемонстрирован в Украине тем, что относительный успех акции массового неповиновения, получившей известность как «оранжевая революция», привел к возвращению СМИ, политического плюрализма и гражданского общества в «большую» политику. Возможность и механизм такой трансформации электорально-авторитарного режима в электорально-демократический в сборнике Шедлера ещё не был достаточно широко освещён.

Без сомнения, монография Вильсона, также как и сборник Шедлера, окажут влияние на дальнейшее изучение постсоветских стран, и должны привести к частичной переоценке ряда общих мест о сущности постсоветской политики, касающихся, например, значения федерализма, разделения властей, парламентаризма, политических партий и неправительственных организаций для интерпретации общественной жизни России [см., напр., Fein 2002]. Хотя Вильсон не вводит в своей книге неологизмы и полагается, в основном, на ранее известные данные, он, тем не менее, оказал весомую услугу политической компаративистике, демонстрируя с помощью впечатляющего перечня деталей, как власти нескольких постсоветских стран своим скрытым или явным контролем над информационными потоками, целенаправленным созданием искусственных политических группировок, а иногда прямым фальсифицированием результатов выборов исказили политический процесс. В конечном счёте, эти манипуляции достигали такого уровня, что образовалась относительно оригинальная система отношений государство-общество, в которой демократические процедуры, хотя и формально соблюдаются, но являются бессмысленными из-за их более или менее утончённого извращения.

Исходя из постсоветского контекста, Вильсон вводит терминологическое новшество в политическую науку в целом тем, что он поднимает до сих пор лишь разговорную, метафорическую, специфически постсоветскую конструкцию «политическая технология» до уровня полноценной общей политологической концепции. Функция «политической технологии» как нового родового понятия сравнительной политологии заключается в том, чтобы дать возможность отличить методы «виртуальной политики», которые Вильсон наблюдает в некоторых странах бывшего СССР, от известных ранее способов политического пиара, которые тоже бывают довольно «грязными», но всё же, в отличие от «политических технологий», не имеют задачу и возможность свести на нет смысл избирательного соревнования, как такового. Наиболее важным в аргументации Вильсона представляется то, что он показывает, почему «политическую технологию» можно лишь отчасти понимать, как радикализацию некоторых сомнительных политических методов, изобретённых в западных демократиях, таких, как негативная реклама, которую можно было наблюдать, например, на недавних американских президентских

выборах. Вильсон демонстрирует, что истинные корни «политической технологии» лежат в специфическом прошлом постсоветских республик, а именно, в ряде изощрённых стратегий, которые разрабатывались КГБ и другими спецслужбами советского блока для ненасильственного разложения антисоветских подпольных движений. Таким образом, методы сегодняшних манипуляций партийной системой властями бывших республик СССР отнюдь не являются лишь доведёнными до своего логического конца патологиями западных избирательных кампаний. Скорее, здесь наблюдается развитие схем подрыва альтернативных организаций, которые советские органы госбезопасности – а, отчасти, уже и царская Охранка – применяли против политических диссидентов. Эти т.н. «активные мероприятия» включают, например, внедрение «кукушек», «кротов» и «троянских коней» в манипулируемые группировки, создание «отколов», «двойников» и «мух» во время выборов или широкомасштабный выброс «компромата», ловко смешивающий правдивую и ложную информацию.

С одной стороны, Вильсон, таким способом усилил «советский» элемент в политологической субдисциплине «постсоветские трансформации». Он поддерживает тех исследователей, которые делают упор на продолжающемся значении регионо-специфического (идиографического/герменевтического) элемента в изучении постсоветского пространства, в отличие от сторонников междивизиационного (номологического/статистического) подхода к интерпретации современной России, Украины, и др. стран на территории бывшего СССР. С другой стороны, мы, возможно, имеем здесь дело с редким случаем, когда посткоммунистические исследования делают определённый вклад в общую политическую науку тем, что такие понятия, как «политическая технология» и «виртуальная политика», как они представлены и определены Вильсоном, смогут в будущем «путешествовать» в изучение других регионов мира, например, в американистику, африканистику или, возможно, однажды в китаеведение. То есть, эти конструкции имеют потенциал помочь нам в будущем лучше понять не-послесоветские извращения демократических процедур похожими «политтехнологиями», которые, возможно, и не знакомы с опытом борьбы против диссидентства, накопленным в России со времён создания Охранки в Санкт-Петербурге в 1866 г. [Pipes 1997; Пайпс 2004], но которые так же циничны и оригинальны в своём выборе различных инструментов подрыва смысла политических выборов. Таким образом, претендующие иногда на звание «политолога» Глеб Павловский и Ко, несмотря на их неудачу в Украине в 2004 г. и на пренебрежительное отношение к ним некоторых академических политологов [Казанцев 2007], всё же внесут весомый вклад в политологию в целом. Сегодняшние российские «политтехнологии» будут служить будущим исследователям электорального авторитаризма прототипами тех персонажей, которые необходимы авторитарно настроенным политикам для эффективного растления общественного контроля над держателями власти в условиях псевдодемократии.

По этим причинам книга Вильсона может быть рекомендована как концептуально и теоретически инновационная не только политологам, изучающим постсоветское пространство, но и тем, которые не имеют дело с бывшим Советским Союзом. Кроме того, монография ценна тем, что вследствие поразительного количества иногда мало известных фактов, дат и имён, указанных здесь и широкого разнообразия описанных громких событий и мелких происшествий, которые содержит его повествование, труд Вильсона может считаться своего рода «энциклопедией политических технологий», применяемых в бывшем СССР. Конечно, большинство русских или украинских политических обозревателей сочтут акцент Вильсона на роли «политической технологии» не очень оригинальным, и, в лучшем случае, будут заинтригованы относительной новизной этих явлений для западной транзитологии и консолидологии. Тем не менее, я подозреваю, что не только западные, но и московские, петербургские или киевские аналитики будут впечатлены насыщенностью эмпирическими данными исследования Вильсона и, вполне возможно, почерпнут из неё новые сведения об отдельных эпизодах манипуляций тех или иных выборов на постсоветском пространстве.

Правда, иногда изложение малоизвестных сюжетов Вильсоном ошибочно, в словах на русском или украинском языках встречаются орфографические ошибки, а некоторые характерные происшествия отсутствуют. Например, Вильсон, в своем описании деятельности Владимира Жириновского в 1990-1991 гг., не упоминает встречу лидера тогдашней ЛДПСС с Вице-Президентом СССР Геннадием Янаевым, незадолго до августовского путча 1991 [Umland 2005]. Но такие, относительно мелкие упущения кажутся неизбежными в таком обширном исследовании, каким, несомненно, является книга Вильсона. Скорее, читатель будет потрясен количеством и качеством политологических и криминологических сведений, предоставленных здесь.

По этим причинам, обе рецензируемые книги могут быть рекомендованы для разных кругов читателей – студентам, изучающим политологию и Восточную Европу, экспертам по политическому развитию или журналистам, работающим в регионах, где происходят политические перемены. Том Шедлера представляет собой, благодаря подробно разработанной концепции электорального авторитаризма, новый инструмент дифференцирования в международном изучении трансформации и консолидации разных форм политического правления и их гибридов. Его введение, как и статья Фиша, могут быть рекомендованы для перевода и публикации в подходящем российском журнале.

Текст Вильсона будет отличным корректирующим чтением на семинарах по демократизации и переходным обществам. Наиболее важная аудитория «Виртуальной политики», как представляется, находится в России и других постсоветских государствах, где читатели, возможно, особенно и не удивятся содержанию книги, но наверняка будут благодарны за первое систематическое изложение некоторых патологий, которые продолжают зачумлять их государственные устройства.

Остается надеяться, что книга Вильсона будет скоро переведена на русский язык, и опубликована в Москве и, возможно, в других постсоветских столицах.

- Верховский А. (ред.) 2005. Путиами несвободы. М.
- Верховский А. (ред.) 2006. Демократия вертикали. М.
- Казанцев А. 2007. Муки преждевременного рождения, или За что отвечает пионер? Отечественная политическая наука как подвиг. - Агентство политических новостей, 10 мая, <http://www.apn.ru/publications/article17050.htm>.
- Пайпс Р. 2004. Россия при старом режиме. М.
- Прибыловский В. (ред.) 2003. Россия Путина: пристрастный взгляд. М.
- Collier D., Levitsky S. 1997. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. - World Politics, vol. 49.
- Dahl R.A. 1971. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven.
- Diamond L. 1999. Developing Democracy: Towards Consolidation. Baltimore and L.
- Fein E. 2002. Zivilgesellschaftlicher Paradigmenwechsel oder PR-Aktion? Zum ersten allrussischen 'Bürgerforum' im Kreml. - Osteuropa, vol. 52, № 2.
- Fish M.S. 1995. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. Princeton.
- Linz J.J., Stepan A. 1996. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore.
- Pipes R. 1997. Russia under the Old Regime. L.
- Przeworski A. 1991. Democracy and the Market. N. Y.
- Slater W., Wilson A. (ed.). 2004. The Legacy of the Soviet Union. L.
- Umland, A. 2005. Zhirinovskii Enters Politics: A Chronology of the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia 1990-1991. - The Journal of Slavic Military Studies, vol. 18, № 1.
- White A. 1999. Democratization in Russia Under Gorbachev, 1985-91: The Birth of a Voluntary Sector. N. Y.
- Wilson A. 2005a. The Fate of 'Political Technology'. - The St. Petersburg Times, № 53(1087) http://www.times.spb.ru/index.php?action_id=2&story_id=214.
- Wilson A. 2005b. Virtual Politics: 'Political Technology' and the Corruption of Post-Soviet Democracy. - Johnson's Russia List, № 9324, <http://www.cdi.org/russia/johnson/9324-5.cfm>.
- Wilson A. 2006a. Ukraine's Orange Revolution. New Haven.
- Wilson A. 2006b. Ukraine's Orange Revolution, NGOs and the Role of the West. - Cambridge Review of International Affairs, vol. 19, № 1.

Wilson A. 2007. After the Orange Revolution: The Nature of Post-Soviet Democracy in Ukraine and Russia. - Current Politics in Ukraine, 9th March, <http://ukraineanalysis.wordpress.com/2007/03/09/after-the-orange-revolution-an-article-by-andrew-wilson/>.

(Андреас Умланд)